

12 Апреля 2014

Несломленный гений

Сегодня страна отмечает 115-летие академика Каныша Сатпаева и День работников науки.

Его кредо

Эти две даты очень взаимосвязаны, поскольку с именем первого казахского академика ассоциируется комплексное развитие науки в Казахстане. В 1940 году он возглавил первое в республике научно-исследовательское учреждение – Институт геологических наук. Через 2 года в Казахстане было уже 3 института, к концу войны – 16. Теперь можно было ставить вопрос об организации Академии наук КазССР. Она появилась в 1946 году. Ее первым президентом был избран Каныш Сатпаев.

Главный его научный труд, за который он был удостоен в 1958 году Ленинской премии, так и называется «Комплексная прогнозная металлогеническая карта Центрального Казахстана». Он вообще был одним из первых советских металлогенистов (металлогения – наука о происхождении металла). Он фактически открыл в 1928 году марганцевое месторождение Жезды, которое в годы войны сыграло огромную роль в развитии бронетанковой промышленности СССР. В 1941 году Сатпаев, рискуя головой, заявил, что поскольку военное время не терпит, доразведку можно начинать одновременно с промышленным освоением марганцевого

месторождения. Его знания и научная интуиция, а еще безграничная вера в родную землю не подвели.

...Он родился на рубеже веков – в 1899 году. Ему было всего 3 годика, когда Сатбай, дед по отцу, и Иса, дед по матери, отправились в хадж, откуда не вернулись. Направляясь в священную Мекку, 80-летние старики дали бата-благословение маленькому Канышу: «Стремись к знаниям, будь полезным своему народу».

Он был разносторонне образованным человеком. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сказал: «Я думаю, что Сатпаев один из великих людей не только бывшего Советского Союза, но и уходящего века. Он своим гением, своим трудом практически создал и возглавил школу геологов Казахстана и оказал огромное влияние на развитие геологической науки. На такой высокий уровень от Казахстана, от казахов еще никто не поднимался».

– Моя мама, старшая дочь академика Ханиса Канышевна Сатпаева, воспитывалась почти до 7 лет в ауле деда Имантая, – рассказывает внук академика Нурлан Жармагамбетов. – Она родилась в конце 1921 года, когда отец уже уехал на учебу в Томск. Аул Имантая, как вспоминает мама о своем раннем детстве, был наполнен искусством. Там читали в оригинале, то есть на арабском, Низами, Саади и Омара Хайяма. Пели и играли не только на домбре, но и на скрипке, мандолине и рояле. Прекрасным скрипачом был, например, двоюродный брат Каныша Сатпаева – казненный в 1937 году Абдыкарым Жаминович Сатпаев.

Университеты

Каныш учился сначала в аульной школе, где преподавание шло на арабском языке, потом в Павлодарской двухклассной русско-казахской гимназии. Среди его одноклассников был впоследствии репрессированный знаменитый казахский драматург, прозаик и поэт Жусипбек Аймауытов. Затем в его жизни была Семипалатинская учительская семинария, директором которой был его двоюродный брат, преподаватель русской филологии Абиkey Зеинович Сатпаев (в 1937 году он будет расстрелян). В Семипалатинске Каныш Сатпаев встречался и с Байтурсиновым, и с Дулатовым, и с поэтом-демократом Торайгыровым, учился вместе с Мухтаром Ауэзовым, Алькеем Маргуланом. Преподавали в семинарии знаменитые братья-краеведы Белослюдовы, замечательная чета просветителей – Назипа и Нургали Кулжановы.

В 1921 году благодаря старшему другу, студенту Сибирского технологического института Алимхану Ермакову происходит судьбоносная для юного Каныша Сатпаева встреча с томским профессором геологии, будущим академиком Михаилом Антоновичем Усовым. Кстати, об Алимхане Ермакове. Первым профессиональным горным инженером Казахстана мог бы

стать он, а не Сатпаев. Но в том же 1921 году Алимхан уходит с последнего курса, чтобы заняться вплотную активной деятельностью в центральном аппарате движения «Алаш». К счастью, Ермаков уцелел от молоха 1937 года и стал первым казахом – профессором математики.

Михаил Усов много сделал для Сатпаева. Отношения учителя и ученика переросли почти в родственные – отца и сына. Когда Каныш Сатпаев достаточно серьезно заболел в Томске, Усов и его жена настояли, чтобы он переселился к ним. Окончив институт в 1926 году, Каныш на долгих 15 лет уехал в Богом забытый Карсакбай, чтобы доказать – здесь находится крупнейшее в мире месторождение меди. Звание академика и Ленинскую премию за свои труды он получит много лет спустя, а Михаил Антонович, которого благодарный ученик называл «поистине великим сыном великого русского народа», скончался в 1940 году.

XX век совершенно не зря называют золотым веком научно-технического прогресса. В Казахстане стала появляться своя техническая интеллигенция. Инженер-путеец Мухамеджан Тынышбаев, инженер-лесовод Алихан Букейханов... Но если первых, к огромному несчастью, ни судьба, ни провидение не смогли уберечь, то Каныш Сатпаев, сказав свое громкое и веское слово в науке, стал путеводной звездой для многих. «Каныштай бол», – напутствовали родители своих детей, отправляя их на учебу в город. Благодаря имени Каныша в 40–60-х годах прошлого века в Казахстане появились десятки талантливых геологов – поисковиков и ученых. Среди них, например, Георгий Медоев, Шахмардан Есенов, Герман Жилинский, Дубек Дуйсенбеков, чьим именем австралийцы назвали завод по производству доре – сплава золота и серебра.

«Какой же из него японский шпион?!»

Рассказывают, что, когда Каныш Сатпаев встретил в Томске Таисию Извекову, Шарипа на какое-то время ушла к своим родителям. Но потом все-таки вернулась обратно – она очень уважала семью своего мужа, да и его тоже продолжала любить. В голодные 30-е Шарипа тянула на себе всю семью Сатпаевых, перебравшуюся из Баянаула под Омск. Кроме нее в те годы никому было взять ответственность за нее. Бокеша, старшего брата мужа, и его двоюродных братьев Абикея и Абыкарима расстреляли. На Бокеша Сатпаева, в частности, кто-то из завистников написал донос в 1936 году, что он, читая газету, сказал: «Что нам делать в Испании, когда своих дел по горло?»

А в анонимках на Каныша писали, что он занимается саботажем, «искусственно завышая запасы полезных ископаемых». Его спасло чудо.

– Моя мама рассказывала, что руководителем местного НКВД в Джезказгане был некий Жарков, – продолжает Нурлан Жармагамбетов. –

Когда он прочитал анонимку, ему хватило здравого ума сказать: «За что его сажать, если он целые дни проводит в степи и на рудниках, а в доме ребятишек целая куча». И кто бы мог подумать, Жаркова поддержал первый секретарь крайкома Левон Исаевич Мирзоян: «Какой же он саботажник и японский шпион, коль горит на работе?!» Словом, отвел беду, а через месяц его самого арестовали и расстреляли. Чудесное спасение Сатпаева, как и Мухтара Ауэзова, я считаю знаком свыше.

Первый казах – доктор наук, академик, лауреат Государственной (Сталинской) премии в области науки и техники, лауреат Ленинской премии, первый президент Академии наук КазССР... Авторитет этого человека в Союзе был огромен.

Репрессии

В конце 40-х он помогал Ермахану Бекмаханову выпустить его знаменитую монографию «Казахстан в 20–40-х годах XIX века». Когда тот защищал в Москве докторскую диссертацию, академик спланировал свою командировку в столицу так, чтобы обязательно попасть на защиту. Когда он вошел в зал, присутствующие зааплодировали. 30-летний Бекмаханов с блеском защитил диссертацию и стал первым в Казахстане доктором исторических наук. Как вспоминает вдова ученого Халима Адамовна Бекмаханова, после защиты Каныш Имантаевич подошел к ее мужу: «Ну как? Будешь накрывать стол для своих оппонентов и членов ученого совета?» «А у меня ничего нет, – растерялся новоиспеченный доктор и вывернул карманы. – Мы с женой целый месяц живем в Москве». Каныш Имантаевич выгреб всю имеющуюся у него наличность. И в этом он был весь: ведь академик жил по принципу – гонись за знаниями, но не за деньгами. И следуя ему, кому только не помогал: студентам, аспирантам, молодым ученым, артистам, аксакалам...

После той блестящей защиты начались гонения на Ермухана Бекмаханова, рикошетом отозвавшиеся на академике Сатпаеве. Спустя много лет Халима Бекмаханова выпустила полную стенограмму того заседания ученого Совета академии, где ее мужа подвергли безжалостной обструкции. И только немногие, в том числе и Каныш Сатпаев, выступили в защиту молодого ученого. После этого пронеслась волна арестов. Самого Бекмаханова осудили на 25 лет, а президента Академии наук КазССР в ноябре 1951 года вызвали на бюро ЦК компартии Казахстана. Сатпаева обвиняли по трем пунктам. Первый – сокрытие социального происхождения при вступлении в партию. Для ясности: Каныш Сатпаев стал коммунистом только в 1944 году. До этого он отговаривался тем, что братья – два двоюродных и родной – расстреляны как враги народа. Тогда его пригласили во Фрунзенский райком партии: «Как так? Вы лидер и организатор нашей

науки – и не член партии?» И вот через 7 лет «родная» партия взялась упрекать его происхождением.

Второй пункт – неосуждение выпущенного им в 1927 году в Москве эпоса «Ер-едиге». Первый вариант эпоса записал на русском Чокан Валиханов, второй – на казахском – российский филолог профессор Платон Мелиоранский. Каныш нашел оба варианта в библиотеке Томского университета. Сличив их, он подготовил собственную рукопись, выпущенную при помощи Алихана Букейханова в Центральном издательстве народов СССР тиражом 3 тыс. экземпляров арабской графикой на казахском языке. И хотя русский филолог академик Иван Иванович Мещанинов и его казахский коллега Есмагамбет Исмаилов дали высокую оценку работе Каныша Сатпаева, в 1951 году это ему не помогло: за эпос «про ханов и батыров» ему пристегнули ярлык «националиста».

И третье обвинение – «засорение рядов академии безродными космополитами и буржуазными националистами». Из кабинета Жумабая Шаяхметова, первого секретаря ЦК компартии Казахстана, он вышел со строгим выговором с занесением в личную карточку. В общем, легко отделался. Когда Сатпаев вернулся в академию, его уже негласно сняли с должности президента (официально это было сделано в апреле 1952 года). Григорий Нечитайло, управделами академии, сказал ему, едва он переступил порог: «Немедленно уезжайте в Москву». Управделами сообщил ему, что пока он был в кабинете Шаяхметова, в приемной сидели два сотрудника КГБ. Если бы Сатпаева исключили из партии, как Бекмаханова и Исмаилова, его бы тут же арестовали.

В Москве действительного члена Академии наук СССР Каныша Сатпаева поддержал завед. Совмина СССР по черной и цветной металлургии Иван Федорович Тевосян. Хорошо зная Сатпаева лично, а главное, ценя его профессионализм и трудолюбие, зампред попросил генсека Сталина утвердить его директором одного из союзных геологических институтов или же Уральского отделения Академии наук СССР. Сатпаев отказался, сказав, что нужен своей республике.

Домой он вернулся в апреле 1952 года. А через 7 лет представили к Ленинской премии его главный научный труд по металлогении Центрального Казахстана. Когда ему сообщили, что на премию будут выдвигать только его, он ответил категорическим «нет», заявив, что над металлогенической прогнозной картой работал авторский коллектив. Каныш Сатпаев был интернационалистом до мозга костей, ему и в голову не приходило поднимать или поддерживать человека только по национальному признаку. Среди 8 награжденных были украинец Новохатский, еврей Жилинский, осетин Медоев... А еще раньше, в 1955 году, он создал прецедент – Сатпаев снова стал президентом Академии наук КазССР. Первые руководители

Казахстана – Пономаренко, Брежнев, Яковлев и другие – поняли к тому времени, с кем имеют дело: этот человек горит и живет мыслями о развитии и расцвете экономики и науки Казахстана.

Подруга-домбра

Веселый и добродушный по натуре человек, Каныш Сатпаев со своими внуками общался так, словно это были люди, близкие ему по возрасту.

– Мы по очереди жили у деда, – вспоминает Нурлан Жармагамбетов. – С утра все убегают кто куда. Марьяшка, моя младшая любимая тетка, – в школу. Дед и Таисия Алексеевна – на работу. Я оставался с прабабушкой Фелицатой Васильевной. Однажды я, 6-летний малыш, стоя у окна, смотрел, как строят большой магазин – будущий гастроном «Столичный». «Нурлик, ты умеешь считать до 10?» – спрашивает бабушка. Когда я сосчитал, она предложила: «Давай и дальше научу». А я ей: «Зачем торопиться? Надо все делать постепенно». Вечером, когда она рассказала об этом за чаем, Каныш Имантаевич хохотал до слез, и потом до последних дней жизни говорил: «Будем жить по философии Нуреке – постепенно, постепенно. Ничего сразу не бывает».

Что касается музыки, то была такая история. Ныне здравствующий народный артист РК Кайрат Байбосынов, выдающийся исполнитель народных песен, рассказывает историю о том, что песню «Буркитбай» ему передал, как эстафету, его легендарный педагог и артист Жусипбек Елебеков. А тот, услышав ее впервые в исполнении Каныша Сатпаева, вынес на суд широкой публики.

В 20-е годы прошлого века для музыканта-этнографа Александра Затаевича Каныш Сатпаев записал 25 казахских народных песен. Мой отец (писатель Кайнекей Жармагамбетов – Г. Ш.) оставил о своем тесте такие воспоминания: «Каныш Имантаевич очень любил народные песни. Частенько в минуты душевного покоя сам исполнял приятным баритоном «Буркитбая», «Аупельдек» и другие задушевные философские песни, виртуозно аккомпанируя себе на домбре».

Домбра сопровождала его везде: в дороге, в экспедициях, в поездках, на даче... Мама часто вспоминает поездки с отцом в Москву. Под стук колес он любил наигрывать казахские мелодии. Глядя в такие минуты на проносящуюся мимо степь, дед говорил: «Бог создал казахскую землю снаружи не очень казистой. Несметные богатства он спрятал внутрь, чтобы человек своими знаниями и трудом сам строил свое счастье». Мама, будучи комсомолкой, конечно, не могла не задать отцу вопрос: «Папа, а Бог есть?» Что мог ответить коммунист дочери-комсомолке? Напрямую он, конечно, не мог сказать, что Всевышний живет в его душе, и он, вспоминает мама, ответил так: «Не знаю, есть Он или нет, но надо верить в силу природы».

Галия ШИМЫРБАЕВА